Зимний бас

Завершился шаляпинский фестиваль в Петербурге

Русский телеграф. – 1998. – 13 февр. – с. 9

Федор Иванович Шаляпин был, как известно, человек богатырской стати и творец почти безграничной широты. Очевидцы утверждают: ему доступны были все оперные стили и амплуа, все слушатели были его. И сегодня Шаляпин представительствует от России на мировом Олимпе, являя собой ипостась русской музыкальной речи и русского уклада чувств. Фигура его — источник профессионального вдохновения не только для потомка-вокалиста, но и для историка, культуролога, устроителя концертов. Интересуясь многими современными ему веяниями в искусстве, Федор Иванович, можно сказать, предвосхитил большой оперно-камерно-балетный фестиваль, проходивший в Петербурге в честь его 125-летия на сценах Мариинского театра, Большого и Малого залов филармонии, Капеллы, Смольного собора.

В дни с 19 января по 8 февраля можно было услышать новую мариинскую премьеру «Летучего голландца» (хотя Шаляпин никогда не пел Вагнера на театре и в его концертных номерах фрагментов «Голландца» не бывало); насладиться гала-концертом басов и баритонов Мариинки; присутствовать на хоровых вечерах русской народной и церковной музыки (и то и другое наш герой очень любил). Все это составляло роскошное подношение культовой фигуре, привольный и богатый background для первого баса столетия. Конечно, ему бы понравилось. А средоточием фестиваля оказались два выступления певца, в котором нынче будто продолжил свою артистическую жизнь басовитый дух Шаляпина.

Роберт Ллойд уже известен Петербургу как более чем убедительный Борис Годунов (в постановке Андрея Тарковского в Ковент-Гарден, перенесенной на сцену Мариинки Валерием Гергиевым в 1990 году). 5 февраля Ллойд пел «Зимний путь» Шуберта. В Малом зале филармонии что-то, видимо, случилось с отоплением, и в двадцатиградусный питерский влажный мороз ваш корреспондент невольно отождествлял себя с героем мрачных стихов поэта Вильгельма Мюллера. Оттого с особой подлинностью звучали «Застывшие слезы», «Седины», «Последняя надежда», «Весенний сон». Казалось, что певцу на сцене так же холодно и одиноко, как мне — в переполненном зале. Ллойд поразил жизнью в образе, глубиной и всамделишностью в противовес строгой концертности, которая стала привычным качеством камерного вокала. Здесь была культура оперной сцены с великими страстями, которым мало «просто музыки» и которые стремятся захватить территорию смежных искусств. При таком размахе солиста особый груз ложился на пианиста Джулиуса Дрейка. Он должен был одновременно поддерживать и статуарную крупно-трагическую игру, и подвижное, почти декламационное пение Ллойда. Вышло ли? Рояль был и некрупный, и неаккуратный. Бас повис. И это отсутствие ансамбля обострило неблагополучные отношения Ллойда с нотным текстом, коих и его личностный масштаб не мог заслонить. Никакая психологическая достоверность не скрыла более чем широкого интонирования, в forte переходившего границы приличия; звук (гласные) был слишком огромен, чтобы прилепить к нему хорошую дикцию (согласные). Наверное, в записи осталось бы более ровное и менее харизматическое целое. А магия концерта в том и заключалась, что борьба за чистоту интонации и борьба за подлинность чувства, задним числом осознаваемые как пение «ближе» или «дальше» от текста, — эти перипетии и были содержанием и ценнейшей частью происходящего процесса. Понятно, что его неповторимость, единичность снимают вопрос о «результате». Результат в том, что мы стали свидетелями битвы со смыслами, а не в том, что 24 песни Шуберта спелись не эталонно. Как сказал Кузмин, «нет в Париже шкатулки с золотой квинтой». Ну, в Лондоне тоже нет, а где есть?

ЕРОФЕЙ ЕРОПКИН

Роберт Ллойд, один из лучших Борисов в мире, вернулся в Петербург по зимнему пути

8 февраля мороз резко спал, а Ллойд предстал в Большом зале в гораздо более привычном репертуаре. Ария короля Филиппа («Сила Судьбы»), Серенада Мефистофеля («Фауст»), Сцена смерти Бориса Годунова и россиниевская «Клевета» Дона Базилио — все эти номера, вершинные в творческом наследии Шаляпина, заставляют современного баса вступить в заочный диалог с Федором Ивановичем. Ведь он сделал максимум, что может исполнитель. Он создал традицию. Ллойд, европейски образованный человек, историк по первой профессии, спорит с Шаляпиным, то соглашаясь с ним в партии Бориса, то отрицая его трактовку Мефистофеля как исчадия зла. Ллойдов черт — изысканный «цветок зла». Демонический король и демонический учитель музыки так же близки великому английскому басу, как близки нам оказались его мощные концертно-сценические этюды. Дирижер Александр Дмитриев аккомпанировал весьма гибко и пластично (а во втором отделении превосходно провел смешную «Жизнь героя» Рихарда Штрауса — якобы музыку про юбиляра). Его благородные устремления, увы, не нашли должного отклика у оркестрантов: ЗКР не очень жаловал певца. Грубоватый звук, не вполне гибкие темпы, не идеальные вступления стали привычными, но Роберт Ллойд победил всю оркестровую машину. И то: даже корпуленцией он напоминает Шаляпина. А уж голос какой огромный и красивый! Мистер Ллойд, приезжайте к нам опять. Не заставляйте нас ждать, пока вашему коллеге стукнет 150.

Борис Филановский